

О. Б. Заславский

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

Самоподдерживающийся карточный сюжет в «Пиковой даме» А. С. Пушкина

Успех тайны карт обусловлен не только знанием тех или иных конкретных карт, но и подразумеваемым при этом договором между подателем и получателем дара. Реконструированы условия этого договора Д1, которые описывают передачу тайны карт от Сен-Жермена графине и от графини Чаплицкому. В результате такой передачи получатель дара становится его потенциальным подателем, причем далее передается по цепочке не только знание конкретных карт и условия договора, но также и сама способность к такой передаче (свойство наследуемости). Лишь одно условие договора сообщено в тексте явно – запрет на дальнейшую игру, который графиня сообщает Чаплицкому, остальные восстанавливаются согласно логике развития сюжета, как он описан в новелле. При этом обнаружен так называемый «скрытый сюжет», который позволяет объяснить историю Чаплицкого и связать ее с мотивом получения наследства. Заодно получает объяснение, почему именно Чаплицкому (а не другим «молодым людям») графиня передала тайну карт: оба они (как аргументировано в работе) оказались в ситуации, когда богатый родственник имел возможность оплатить карточный долг, но отказался. Присутствие механизма, в котором тайна карт передается от одного поколения к другому, делает карточный сюжет самоподдерживающимся.

Когда призрак графини открывает тайну Германну, исходные условия меняются, так что вместо договора Д1, действовавшего в предыдущих случаях, возникает новый договор Д2. Проанализировано, в чем состоит отличие, и как нарушение Германном условия договора приводит к его краху. Женитьба на Лизавете Ивановне, о необходимости которой сообщает призрак графини, важна не только для самой мертвой графини, но и для фантастических сил, которые послали ее к Германну. В случае если бы брак состоялся, Германн мог бы передать тайну карт своим детям и тем самым продолжить карточный сюжет.

Предложена интерпретация нового условия в Д2 (отсутствовавшего в Д1) – ставить в сутки не более одной карты. Это давало возможность Германну выполнить до решающей игры поставленное условие о женитьбе. Поскольку он проигнорировал условие (не выраженное явно, но подразумеваемое по умолчанию) о женитьбе, фантастические силы вмешались в игру, не дав ему выиграть. Подмена изображения молодой дамы изображением старухи соответствует предшествующим действиям самого Гермanna, который предпочел домогаться тайны карт вместо самой воспитанницы графини и так и не исправил положение дел.

Приведенные в работе соображения существенным образом обобщают ключевое наблюдение, недавно сделанное В. С. Листовым по поводу мотива наследования в данном произведении.

Ключевые слова: договор, наследование, фантастические силы, сюжет.

Заславский Олег Борисович – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина, zaslav@ukr.net)

Введение

В изучении «Пиковой дамы» (далее – ПД) налицо парадокс. С одной стороны, это произведение является одним из самых популярных среди исследователей пушкинского творчества. С другой – его содержание остается во многом непроявленным даже на самом поверхностном читательском уровне. Соотношение между реальностью и фантастикой, природа тайны карт, присутствие надчеловеческих сил в передаче ее Германну, обстоятельства, из-за которых он «обдернулся» в критический момент, роль случайности – все это до сих пор активно обсуждается в исследовательской литературе, причем зачастую с совершенно разными выводами.

При этом одна из сложностей состоит в том, что все эти факторы переплетаются друг с другом. Если считать, что никаких фантастических сил (далее – ФС) в ПД нет, то неожиданные и маловероятные события, которые происходят в произведении или о которых рассказывают персонажи (как Томский о своей бабушке и ее игре в карты), – чистая случайность или выдумка. Если же ФС все же присутствуют, то в происходящем появляется некоторый детерминизм, связанный с закономерностями их вмешательства в земные дела. Тем самым между парами «закономерность – случайность» и «реальное – фантастическое» возникает существенная связь¹.

Возможно двоякое понимание соотношения между фантастикой и реальностью в данном произведении. А) Присутствие ФС – это лишь одна из возможностей объяснения происходящих событий, которые в принципе могут быть объяснены и чисто реалистически. Б) ФС объективно существуют в мире ПД и неустранимы – даже несмотря на то, что в некоторых случаях отличить их проявление от реалистических факторов практически невозможно². Согласно Б, происходящие события – результат не только законов (детерминистских и/или вероятностных) самой реальности, но и ФС; изгнать ФС из объяснений просто невозможно, причем их проявления следуют строгим закономерностям. Мы придерживаемся точки зрения Б. Одни лишь выигрыши при помощи секрета карт уже свидетельствуют в ее пользу.

Можно видеть здесь взаимную дополняемость: то, что в реалистическом подходе выглядит совершенно необъяснимой случайностью (в том числе приобретает смысл именно поэтому – например, как торжество реальной жизни над мертвой схемой [Виролайнен, 1975]), с точки зрения фантастики скорее должно предстать как неизбежное, едва ли не детерминистское следствие законов той сферы, куда неосмотрительно вторгся Германн. Соответственно, возникает вопрос о законах, действующих в этой сфере, – и в первую очередь в том, что касается собственно карточного сюжета. Их описанию и посвящена данная работа.

¹ Игнорирование этой связи приводит к однобоким выводам. Например, согласно работе [Виролайнен, 1975], Германн пытается загнать жизнь в мертвую схему. Тогда приходится считать, что его ошибка в финале – это торжество жизни, с ее неустранимыми случайностями, над такой схемой. Эти рассуждения были бы, безусловно, верными в чисто реалистической ситуации, но они перестают быть убедительными, если учесть присутствие ФС. И при таком подходе, как в [Виролайнен, 1975], в любители загонять жизнь в заранее заданную схему пришлось бы зачислить любых игроков, стремящихся найти тайну выигранных карт, так что специфика, связанная именно с Германном, при этом размылась бы.

² О такой неотличимости блестяще написал Достоевский в письме к Ю. Ф. Абазе от 15 июня 1880 г.: «Вы верите, что Германн действительно имел видение... а между тем в конце повести... Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна или... он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром» [Достоевский, 1988, с. 192].

В большинстве работ о ПД акцент делался на аспектах, связанных с самими картами, их числовой символикой, образностью и т. д. Мы же в основном исследуем те касающиеся сюжета логические следствия, которые получаются из предположения о неустрашимом присутствии ФС в новелле ³.

Тайна карт и условия договора

Главный вопрос здесь – как и на каких условиях могли реализоваться возможности, связанные с тайным знанием о верных картах. Казалось бы, этим набором или его частью мог бы воспользоваться любой достаточно наблюдательный игрок, который запомнил бы связанный с ними успех графини и Чаплицкого. Более того, выпадение выигрышных карт встречалось бы в игорных домах просто в силу вероятностных законов. И хотя выпадение всех трех указанных карт (тройки, семерки, туза) подряд, причем в нужной последовательности, – событие маловероятное, вполне можно задать наивный вопрос: так почему же никто из игроков так и не заметил, что, например, тройка, поставленная первой, всегда выигрывает для понтера? Добавим, что если бы дело ограничивалось знанием нужных карт, то карточный секрет можно было бы просто украсть, подслушав или подсмотрев сцену передачи тайны карт (в дальнейшем – ТК), но такая уязвимость этого секрета лишила бы его ореола таинственности и полностью обесценила бы его смысл в новелле.

Несмотря на долгую историю изучения ПД, эти вопросы, как ни странно, до самого последнего времени не были в исследовательской литературе даже поставлены. Лишь совсем недавно было сделано наблюдение, которое, на наш взгляд, является здесь ключевым. Как заметил В. С. Листов, успех ТК отнюдь не сводится к знанию их правильного набора и последовательности его применения [Листов, 2014], что снимает отмеченные выше парадоксы. В. С. Листов указал на черты сходства между передачей ТК и договором наследования от старшего к младшему, который служил дополнением к знанию о нужных картах и обуславливал успех ТК только в их сочетании. Однако условия упомянутого договора были указаны им далеко не полностью. Кроме того, есть основания полагать (см. далее), что на самом деле исходный договор (далее – Д1) был настолько деформирован, что следует говорить не об одном договоре, а двух – Д1 и Д2. Здесь Д1 относится к передаче ТК от Сен-Жермена графине и от нее Чаплицкому. Д2 относится к передаче ТК от призрака графини Германну.

Постараемся для начала выяснить, с максимально возможной полнотой, что же представляли собой обстоятельства, в которых применялся Д1, а также условия самого этого договора. Мы в данном случае предпочитаем дедуктивное изложение: даем список реконструированные условия и объясняем (проверяем), как Д1 действовал в разных случаях. Далее пункты 1 и 2 относятся к обстоятельствам, в которых актуализовался договор, а остальные пункты – к его содержанию. Сказанное о договоре отнюдь не означает, что сторона, принимавшая дар, должна была что-то обещать. Достаточно того, что она просто начинала использовать ТК – по умолчанию это означало согласие. Как это, например, явно показано в случае Германа.

³ При этом мы стараемся не повторять известное и сосредоточиться на моментах, которые, как мы полагаем, являются новыми. Соответственно, из всей обширной литературы о ПД мы приводим лишь ссылки, которые имеют отношение к рассматриваемым нами аспектам. Цитаты из «Пиковой дамы» даются по изданию [Пушкин, 1948] с указанием номера страниц в круглых скобках без повторения полной ссылки.

1. Тайна открывается только тем, кто находится в критическом положении: произошел крупный проигрыш, а оплатить его нет возможности.

2. Использование ТК приводит к компенсации проигрыша, но не может принести сверхбогатство выигравшему и разорить проигравшего.

3. Тот, кто получил ТК, не должен больше играть.

4. Впоследствии он передает ТК младшему «коллеге» (правило наследования), причем с учетом пунктов 1–3.

5. Такая передача может совершиться только один раз.

Правило наследования, на которое обратил внимание В. С. Листов, является 4-м пунктом из этого списка. По самому смыслу пунктов 3 и 5, они должны были формулироваться при передаче ТК явно. Из этого следует, что и пункт 4, уточнением к которому является пункт 5, тоже должен был упоминаться явно при передаче ТК.

Пункт 3 применительно к передаче ТК от Сен-Жермена графине в тексте не был назван, однако, согласно рассказу Томского, графиня назвала его при передаче ТК Чаплицкому. Поэтому данный пункт наверняка присутствовал в Д1; он также переходит в Д2, как это напрямую следует из слов призрака графини. Так что Анна Федотовна «потому и не понтирует, что шестьдесят лет назад отыгралась в Париже под условием – всю оставшуюся жизнь не играть» [Листов, 2014, с. 48].

Был ли 4-й пункт обязательной «нагрузкой» или только правом? По нашему мнению, следует признать его в менее жестком втором варианте. В пользу этого говорит то, что графиня, которая «всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то жалилась над Чаплицким» (с. 229). Иначе говоря, она не спешила после получения ТК быстро «отделаться» от своих обязательств по договору (как было бы в первом варианте), а воспользовалась возможностью только в крайнем случае (о причинах этого см. далее).

Рассмотрим теперь пункт 2. И молодая графиня и Чаплицкий крупно проигрались. Но при помощи ТК «бабушка отыгралась совершенно» (с. 229). Поскольку графиня лишь «отыгралась», но не добилась большого чистого выигрыша (иначе Томский в своем рассказе об этом сообщил бы), это означает, что она выиграла практически ту же сумму, что ранее проиграла. Что касается Чаплицкого, долг которого составлял 300 тыс., то он «поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе, – отыгрался и остался еще в выигрыше...» (с. 229). Это означает, что после игры со ставкой на 1-ю карту у Чаплицкого оказалось 100 тыс., после 2-й – 200, после 3-й – 400. С учетом его долга, чистый выигрыш составил 100 тыс. Сумма крупная, но все же в 3 раза меньше проигрыша. Учитывая сложное положение, в котором очутился Чаплицкий после проигрыша, можно даже предположить, что для новой игры с Зоричем ему пришлось занять начальную сумму, т. е. 50 тыс. Тогда получается, что он в итоге выиграл для себя еще меньше – 50 тыс. В любом случае, Чаплицкий выиграл тогда сумму, намного меньшую миллионов, которые он промотает к концу жизни. Что же касается богатого Зорича (фаворита Екатерины II и известного игрока), проигрыш 100 тыс. вряд ли мог быть для него катастрофой. Так что и в случае графини, и в случае Чаплицкого пункт 2 был выполнен.

О наследовании и запрете на дальнейшее участие в игре говорят пункты 3 и 4, о которых написано в работе В. С. Листова, однако без ссылки на другие пункты. Пункт 3 объясняет, почему «бабушка» больше не понтирует [Там же]. Что касается Чаплицкого, то он «умер в нищете, промотав миллионы» (с. 229). Если бы причиной такого разорения была карточная игра, наверняка Томский упомянул бы о таком грубом нарушении условия 3, о котором сам же перед этим и рассказал. Но, поскольку Томский об этом не упоминает ничего, следует заключить, что

причина разорения была другой. Следовательно, Чаплицкий, даже под угрозой разорения, возникшей после того, как он промотал миллионы, сдержал слово и более не играл: пункт 3 был выполнен.

Из пункта 5 следует, почему графиня не открыла ТК своим детям. Этот же пункт объясняет, почему она не открыла ТК Германну даже под дулом пистолета: один раз она уже передала ее Чаплицкому и тем самым «израсходовала лимит» возможностей.

Сопоставление указанных выше пунктов приводит к любопытному выводу. Получается, что по своему смыслу и результату ТК в варианте Д1 вовсе не носила дьявольского характера. Скорее наоборот, это было волшебное средство для помощи попавшим в беду игрокам (что предполагало присутствие альтруистических качеств как у дарителей, так и у получателей ТК), причем с моральными ограничениями. В частности, вторжение ТК в игру хотя и нарушало равенство сторон, делало это умеренно: игрок лишь отыгрывался, а вовсе не разорял банкмета.

Отдельного рассмотрения требует пункт 1. В отношении графини он дан в тексте явно. Однако, что касается Чаплицкого, здесь присутствуют неочевидные нюансы, которые в тексте не даны напрямую, но могут быть из него восстановлены. Рассмотрим это подробнее.

История Чаплицкого: скрытый мини-сюжет

В тексте присутствуют весьма скупые и на первый взгляд малозначащие сведения о том, как графиня передала ТК Чаплицкому. Тем не менее в этих сведениях содержится важная информация. К моменту проигрыша он был беден – иначе для него не возникла бы материальная проблема, которую и решила графиня. Затем Чаплицкий отыгрался и даже остался в выигрыше, однако, несмотря на это, умер, «промотав миллионы». Откуда же миллионы могли появиться у него после того, как он отыгрался? Очевидно, что он – не купец, не богатый помещик и не предприниматель, а человек того же круга, что и графиня, т. е. представитель аристократии. На успешного банковского вкладчика, который мог бы вложить выигранную сумму, он также не похож: психология игрока (до проигрыша Зоричу) и мота (после получения миллионов) с этим согласуется плохо. Не говоря уже о том, что между 50–100 тыс. и миллионами дистанция огромна. Использовать ТК повторно он не мог: он дал честное слово графине не делать этого; как сказано выше, он и не пытался нарушить это слово. Но даже если бы он и решил нарушить обещание, это ему не помогло бы – ведь, как объяснено выше, ТК действовала только однократно. Тогда остается практически один вариант неожиданного обогащения: *Чаплицкий получил наследство*.

Это немедленно увязывает случай Чаплицкого с общей проблематикой новеллы и оказывается еще одним проявлением мотива наследования в произведении [Листов, 2014]. Напомним слова Германа: «Моту не помогут ваши три карты. Кто не умеет беречь отцовское наследство, тот все-таки умрет в нищете, несмотря ни на какие демонские усилия. Я не мот...» (с. 241). Здесь «мот» прямо соотносится с наследством как объектом проматывания. В сочетании эти фразы соотносятся со случаем Чаплицкого, как он нами реконструирован, – и сюжетно, и лексически. Более того, слова «мот», «промотать» встречаются лишь в сведениях о Чаплицком («умер в нищете, промотав миллионы» (с. 229)) и в данном отрывке. Получается, что оба они – и Германн (вопреки его собственным словам, так как он все же «промотал» 47 тыс., которые взять мог только из отцовского наследства) и Чаплицкий оказываются негодными наследниками.

Предложенная нами реконструкция пропущенного звена (о причине, по которой разбогател Чаплицкий) позволяет прояснить и другой вопрос – почему гра-

финя решила помочь именно Чаплицкому? В литературе не раз делались попытки приписать такую благосклонность их любовной связи⁴. Однако в тексте нет ни малейших намеков на это, и остается непонятным, почему же «бабушка», которая оставалась «строга к шалостям молодых людей», тем не менее именно в данном случае сделала исключение и «сжалась над Чаплицким» (с. 229). Сделаем же следующий логический шаг в реконструкции рассматриваемой ветви сюжета. Коль скоро Чаплицкий получил наследство в несколько миллионов, это означает, что к моменту проигрыша у его богатого родственника (наследником которого он окажется спустя некоторое время) были средства, чтобы оплатить проигрыш. Ведь он был миллионером, а заплатить требовалось 300 тыс. Однако родственник, очевидно, отказал – иначе проблема была бы решена и без помощи графини. И здесь возникает близкая параллель тому, как «бабушке» отказал ее муж в сходной ситуации. Вот и объяснение: графиня помогла тому, кто оказался примерно в той же ситуации, что и она сама когда-то. Одновременно такая реконструкция удостоверяет, что пункт 1 был полностью выполнен и в случае Чаплицкого.

То обстоятельство, что некоторые важные факты не были даны в тексте явно, но оказалось, что их можно реконструировать, служит примером так называемого «скрытого сюжета», значимость которого в поэтике Пушкина уже не раз отмечалась по другим поводам [Пеньковский, 2003; Заславский, 2010; Рецетпер, 2016]⁵.

Карточный сюжет и вечное движение

Выполнение всех пяти пунктов делает сюжет о передаче ТК самоподдерживающимся и обеспечивает его непрерывность: цепочка воспроизводит себя из-за повторения каузальных связей между элементами⁶. Напомним, что первым звеном в цепочке (по крайней мере в той ее части, что показана в новелле) был граф Сен-Жермен, который «выдавал себя за Вечного Жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая» (с. 228). Упоминание Вечного Жида актуализует мотив вечного, не прекращающегося движения. А жизненный эликсир указывает на вечную жизнь (молодость), аннулирующую разрушительное влияние времени. Мотив объединения, установления связи между разными сущностями проявляет себя и в том, что в тексте упоминается месмеров магнетизм. Он предполагает волшебное действие на расстоянии. Причем поскольку он упоминается в контексте, где речь идет о минувшем столетии, то получается преемственность или своего рода установление контакта между далекими областями

⁴ По-видимому, впервые это было сделано в осторожной форме М. О. Гершензоном, который приписал это предположение условному «положительному, пошловатому человеку» [Гершензон, 1919, с. 98]. В дальнейшем исследователи уже не стеснялись подобными оговорками.

⁵ Скрытый сюжет присутствует там, где формальная логика требует заполнения лакуны между представленными в тексте опорными точками, без чего в тексте появляются логические аномалии. В отличие от этого, предположения о любовной связи графини с подателями / получателями ТК никак не вытекают из представленных в тексте сведений, а являются скорее свободной фантазией, доходящей в пределе до столь экзотических предположений, как наличие инцеста между персонажами, принадлежащими разным поколениям [Burgin, 1974]. Подобным же образом, скажем, сюжетный архетип о столкновениях между сыном и родителями [Лотман, 1975, с. 132] совсем не обязательно требует буквальной реализации, и в ПД скорее связан с трансформациями ключевого мотива наследования, а также имеет пародийные коннотации [Виноградов, 1941, с. 587].

⁶ Существенно упрощенным современным примером такого явления могут служить «письма счастья», где нужно переслать по цепочке письмо дальше, чтобы процесс не прервался.

как во времени, так и в пространстве. Такие сопоставления дублируют способность ТК переходить из одной эпохи в другую и пересекать границы между странами.

Тайна карт: механизм наследования

Присмотримся теперь к самому характеру передачи ТК из рук в руки. Как было замечено в [Листов, 2014, с. 48], «открытие тайны – обусловлено». В чем состоят условия, частично было указано там же и обобщено в соображениях, приведенных выше. Однако и этого еще недостаточно для объяснения рассматриваемого явления в целом. Если бы дело сводилось только к заключению договора о правилах использования трех карт, этот секрет все же можно было бы похитить. Это лишь несколько усложнило бы задачу похитителю (по сравнению с кражей в случае отсутствия договора) – следовало подслушать не только значения карт и порядок их следования, но и сопутствующие им условия, и затем воспроизвести и то и другое. Ясно, однако, что такое положение дел разрушило бы ценность ТК, а с ней – и художественную стройность новеллы, а потому следует предположить, что оно было просто невозможным. Попробуем обосновать, почему же и в самом деле это было так.

Передача ТК от Сен-Жермена молодой графине наделила саму графиню способностью, которой у нее ранее не было, – передать ТК дальше (что она и сделала по отношению к Чаплицкому). Поэтому следует заключить, что при контакте двух сторон (старшего и младшего участников договора) не только передается конкретная ТК в качестве наследства [Листов, 2014], и не только заключается своего рода договор наследования, но и передается *само свойство наследуемости*. Получивший ТК в дар одновременно получает и возможность передавать его дальше. Все это совершается при прямом контакте, так что получается одномерная линия наследования, которая не могла ветвиться (что было бы возможным в случае передачи тайны нескольким получателям). Никто, подслушав (случайно или намеренно) всю сцену передачи, воспроизвести ее не смог бы хотя бы уже потому, что сам не участвовал в прямом контакте.

Таким образом, *процесс передачи был двойным*. Одна его часть состояла в приобщении к тайному знанию и была обставлена договором. Другая же представляла собой наделение свойством наследуемости и имела черты, характерные для контагиозной магии ⁷.

Второй договор как трансформация первого

Рассмотрим теперь передачу ТК от графини к Германну, сопоставим эту ситуацию со старым договором Д1 и проанализируем новый договор Д2. Сначала посмотрим, как обстоит дело с пунктами старого договора. Пункт 3 из Д1 (в тексте о нем ничего не было сказано применительно к передаче ТК от Сен-Жермена к графине, но упомянуто по отношению к передаче ТК от молодой графини к Чаплицкому) присутствует и в Д2: призрак графини сообщил, что после выигрыша трех карт играть больше будет нельзя. Пункты же 1 и 2 из Д1 были значимо нарушены. Германн стремился завладеть ТК, чтобы разбогатеть, и ни в каком критическом состоянии не находился. А при успехе его выигрыш нанес бы чувствительный урон банкомету. (Недаром же у Чекалинского тряслись руки, когда он

⁷ Ранее мы уже отмечали другой пример процесса такого типа в пушкинском творчестве. В «Сказке о Золотом петушке» свойством, передаваемым при помощи контагиозной магии, оказывалась кастрируемость [Заславский, 2007].

в 3-й раз играл против Германна.) В этом смысле Германн действует значительно более агрессивно, чем его предшественники, и не имеет «оправдания» в вынужденности своих действий по добыванию и использованию ТК.

Действия умершей графини входили в противоречие с пунктом 4 из Д1. Ведь графиня уже «израсходовала» потенциал ТК при жизни, открыв в свое время ее Чаплицкому. Это объясняет, почему она после смерти открыла ТК лишь против своей воли. Она честно исполняла условия договора Д1, для их нарушения и создания нового договора Д2 понадобилось приказание высших (дьявольских) сил, отказать которым она не имела возможности.

Что же касается действий самого Германна, предусмотренных в Д2, то на фоне Д1 становится значимым, что в Д2 отсутствуют пункты 4 и 5. Из того, что становится в новелле известным о Германне, можно предположить, что в отношении него эти пункты в том виде, как они действовали в Д1, просто не имели смысла: он все равно бы не передал ТК дальше посторонним.

С другой стороны, отсутствие ограничений, содержащихся в этих пунктах, причем в сочетании с пунктом о женитьбе (если бы он был выполнен), означает, что перед Германном открывались иные возможности, которых не было у его предшественников. А именно: он смог бы передать ТК своим детям! Если так, то в его словах «не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню...» (с. 242) неожиданно оказывается намного больше смысла, чем сам Германн мог бы подозревать. В этом смысле «интересы» мертвой графини и ФС совпали: ей было нужно устроить судьбу своей воспитанницы и добиться для нее продолжения рода, им было нужно добиться продолжения карточного сюжета, для чего от Германна как раз и требовалось продолжение рода.

Таким образом, вместо пункта 4 (характерного для Д1) в Д2 присутствует пункт о женитьбе, что делает их функционально схожими: и тот и другой давали карточному сюжету (который было пресекало со смертью Чаплицкого) возможность продолжиться⁸. Это обстоятельство проливает свет на двойную природу договора, включая связь между предполагавшимся обогащением и браком. Ранее уже отмечалось, что графиня могла быть сама «заинтересована» в обоих событиях, так как баснословный выигрыш заменил бы Лизе приданое [Давыдов, 1999, с. 119]. Мы же хотим сделать акцент на том, что заключение брака и получение ТК были «выгодны» также и ФС: предполагавшееся появление детей позволяло Германну передать им со временем ТК и тем самым продлить карточный сюжет по цепочке. Таким образом, двойной результат был нужен и графине и ФС, т. е. сам имел двойную природу.

Этим роль нового пункта о женитьбе (отсутствующего в Д1) отнюдь не очерпывается. Рассмотрим сочетание обоих новых (отсутствующих в Д1) пунктов.

2-1. Не ставить в сутки более одной карты.

2-2. Жениться на воспитаннице графини.

Строго говоря, пункт 2-2 сформулирован графиней от себя (а не от лица ФС) и непосредственно относится не к карточному сюжету, а к истории самих персонажей: «Прощаю тебе мою смерть, с тем чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...» (с. 247). В этом смысле он напрямую в Д2 не входил. Однако, как сейчас увидим, более внимательное рассмотрение обнаруживает здесь тесную связь между пунктами 2-1 и 2-2, а также связь их обоих с дальнейшим ходом карточного сюжета и его завершением.

⁸ Говорить же об аналоге пункта 5 в Д2 (т. е. об ограничениях на передачу ТК от Германна к его несостоявшимся детям) нет смысла – это было бы превышением точности.

Прежде всего подчеркнем, что все остальные пункты в обоих договорах допускали возможность совершенно однозначно определить, выполнен пункт или нарушен. А как в этом смысле оценить пункт 2-2? Если Германн затягивает с предложением Лизе – начиная с какого момента следует считать, что этот пункт нарушен? Мы полагаем, что критерий здесь очень прост (хотя явно и не сформулирован). По логике вещей, *Германн должен жениться на Лизе до окончания игры на все три выигрышные карты*. Это означало бы взаимное выполнение обязательств (где с одной стороны был Германн, а с другой – ФС плюс графиня).

А теперь посмотрим на пункт 2-1. Ничего похожего на него в Д1 не было. И графиня и Чаплицкий отыгрались сразу же, в один присест. Действительно: «Она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно» (с. 229); «Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе – отыгрался и остался еще в выигрыше...» (с. 230). В чем же смысл пункта 2-1 в Д2?

Без пункта 2-1 Германн мог бы, как и его предшественники, добиться полного выигрыша в один присест, практически без перерыва между ставками. Более того, без пункта 2-1 он мог бы вообще устроить выигрышную игру хоть на следующий день после получения ТК (если бы удалось найти богатого банкомета) и сразу же добиться результата. Но тогда, если перед началом игры Германн еще не сделал предложение Лизе, то после ее начала и до финала у него уже не было бы физической возможности это сделать, т. е. выполнить пункт 2-2, до заключительной третьей ставки. Соответственно, оставалось бы неясным, так выполняет он пункт 2-2 или нарушает.

Однако пункт 2-1, ограничивающий активность игрока и дающий обязательные интервалы между карточными поединками, давал Германну время сделать Лизе предложение. Тем более что после двух первых выигрышей Германн, увидев, что другая сторона выполняет свои условия, должен был, казалось бы, выполнить и свои, т. е. в определенном смысле достичь равновесия между правами и обязанностями.

Однако Германн, очевидно, выполнять пункт 2-2 не собирался. Образ жизни, описанный в начале раздела VI новеллы, говорит о том, что время шло, а никакой женитьбы на Лизе Германн устраивать и не думал. Даже после 1-го и 2-го туров у Германна оставались шансы успеть сделать то, что от него ждали. Однако он проигнорировал *все* предоставленные ему возможности. Поэтому к началу 3-го тура поединка с Чекалинским стало ясно: Германн *нарушил условие договора*. Даже если считать, что пункт 2-2 был предложен Германну только от лица самой графини (а не ФС, которыми она была послана к Германну), все равно этого вполне достаточно, чтобы в соответствии с условиями графини сделать вполне определенный вывод: *свою смерть графиня Германну не простила*.

Почему Германн «обдернулся»

Сказанное дает возможность простым образом объяснить причину того, что Германн «обдернулся», когда 3-й раз играл против Чаплицкого. Это и есть результат того, что графиня так и не простила Германну свою смерть. Причем наказание здесь соответствовало преступлению. В образе молодой (как они изображались на картах) дамы Германн увидел черты старухи. Это воспроизвело двойную ситуацию, возникшую ранее по инициативе Германна, который имитировал любовь к молодой женщине, а на самом деле стремился «овладеть» старухой как носительницей ТК. Причем это повторилось и после заключения Д2: Германн по видимости принял его условия, но на самом деле то условие, которое было связано с молодой девушкой, выполнять не собирался. Иначе говоря, из двух пер-

сонажей молодая «дама» была обманным планом выражения, подлинным же содержанием являлась старуха. Когда из-под обманного образа выглядывает и подмигивает старуха, это на уровне карт в точности воспроизводит суть действий Германна, которые теперь обращаются против него. В конечном счете Германн проиграл (и, по сути, сам увидел причину своего проигрыша) именно потому, что нарушил (проигнорировал) условие женитьбы на Лизе⁹.

В литературе не раз делались попытки объяснить несоответствие карты (появление дамы вместо ожидаемого туза) ошибкой Германна из-за его психологического состояния (в качестве одного из примеров укажем работу [Rosen, 1975]). Подробный обзор попыток такого рода находим в работе С. С. Давыдова, представившего также свои собственные наблюдения на этот счет [1999, с. 118]. Главная уязвимость такого рода объяснений состоит, на наш взгляд, в том, что они допускают, в принципе, и правильный ход со стороны Германна. Из них вытекает, что, хотя Германн «обдернулся», в принципе он мог бы и не «обдернуться», если бы проявил большую волю и твердость и не дал засевающим в памяти образам и ассоциациям помешать ему в игре. С нашей же точки зрения, это исключено: появление неверной карты не могло иметь вероятностную природу (пусть даже эта ошибка была бы не полностью случайна, а мотивирована предыдущими обстоятельствами). Такое событие – закономерное и неизбежное действие со стороны ФС и связанной с ними мертвой графини как реакция на нарушение Германном договора, которое без ответа остаться не могло, и проявление того обстоятельства, что свою смерть графиня ему не простила.

Договор с дьяволом

Если бы Германн выполнил все условия, то, надо полагать, он бы выиграл, однако все равно потом закончил бы плохо из-за души, предложенной дьяволу. Именно из-за последнего обстоятельства Германн и получил ТК, несмотря на то, что был виновником смерти своей потенциальной благодетельницы, а также несмотря на то, что отнюдь не находился в бедственном состоянии. Ведь он в разговоре с графиней упомянул готовность принять на себя тайну, связанную с дьявольским договором, т. е., по сути, отдать дьяволу *душу*! И черт, который, как известно, легок на помине, об этом узнал и это учел. О продаже души и договоре с дьяволом уже не раз говорилось в литературе о ПД, в том числе в [Листов, 2014]. К сказанному там мы хотим добавить, что кое-что в связи с таким договором совершилось уже здесь, в этом мире: Германн попал в сумасшедший дом, т. е. дом для *душевнобольных*.

Однако, по нашему мнению (в отличие от подхода, развитого в [Листов, 2014]), inferнальная природа договора свойственна только Д2. Что же касается Д1, то ни события до его заключения, ни поведение героев после не дают оснований считать Д1 дьявольским. Дело не в inferнальном наследстве, якобы существовавшим заранее: до того, как Германн сам предложил продать свою душу, никакой inferнальности в карточном сюжете не было вообще.

⁹ Наложение образов молодой дамы и старухи в очередной раз ясно показывает, что эротические мотивы в ПД невозможно оторвать от карточного сюжета без разрушения смысла. Попытка подобного рода, предпринятая в работе [Гольштейн, 1999–2000], на наш взгляд, превращает ПД просто в нравоучительную притчу о важности эротики, где карточные перипетии хотя и учитываются, но лишь как вспомогательное средство и иллюстрация основной идеи.

Самоподдерживающийся карточный сюжет и наследование

В таком контексте самоподдерживающийся карточный сюжет оказывается альтернативой чисто человеческой, естественной последовательности поколений: по цепочке передается не жизнь от родителей детям как результат «игры» по правилам природы, а волшебные (тем самым нарушающие правила игры, т. е. карточной «природы») возможности выигрыша. Другими словами, возникают две альтернативы развития – естественная и искусственная. Таким образом, представление о самоподдерживающемся карточном сюжете и его эволюции позволяет определить место этого мотива в структуре произведения и придать ему содержательную интерпретацию¹⁰.

Причем в новелле представлено (реальное или описанное в книгах) пресечение или извращение обеих линий – и карточной и человеческой. Например, графиня просит своего внука прислать романы, где «где бы герой не давил ни отца, ни матери» (с. 232). Когда Германн пытается выведать у графини ТК, он сначала взывает к ее чувствам «супруги, любовницы, матери» (с. 241), а затем угрожает ей пистолетом. Искусственная же карточная эволюция дважды пресекается (на Чаплицком и Германне).

В литературе ранее отмечалось, что в ПД понятие игры имеет более широкий смысл, чем собственно карточная игра, а, скажем, такой персонаж, как графиня, сама «уже не только человек, но и карта, орудие, но не в игре Германа, а в чьей-то другой, в которой сам Германн окажется игрушкой» [Лотман, 1975, с. 134–135]. Теперь мы видим, что помимо параллелей между карточной игрой и отдельными типами поведения, с одной стороны, а также соответствующими линиями сюжета и персонажами, с другой, карточная игра приобретает и более общий и фундаментальный смысл. *Фантастический карточный сюжет как бы копирует «генетический код» самой жизни, вместе с тем показывая невозможность создать его полноценную копию в силу своей искусственной природы.*

Заключение

Суммируем полученные результаты. Общую ситуацию с сюжетом о выигрышных картах можно описать следующим образом. На условиях Д1, описанных выше, ТК передается от одного игрока к другому, порождая линейный (без ответвлений) самоподдерживающийся сюжет. Нарушение или неполное выполнение договора ведет к разрушению цепочки и остановке карточного сюжета. Как это и произошло из-за Чаплицкого, не оставившего карточных «наследников». В этом смысле сюжет постигла судьба персонажа, который его и запустил: подобно тому, как Сен-Жермен, выглядевший Вечным Жидом, оказался на самом деле смертным, так и «вечный» сюжет о распространении выигрышных карт пресекается. ТК могла бы так и остаться легендой, если бы не инициатива Германна, по сути предложившего свою душу дьяволу в обмен на ТК. В результате дьявольские силы реанимировали карточный сюжет. Причем таким образом, что это открывало путь к тому, чтобы он вновь стал самоподдерживающимся. Но, поскольку Германн нарушил условия, сюжет не был реализован, а Германна постигла катастрофа.

¹⁰ Попытка же найти оправдание этому мотиву лишь в исторических параллелях, связанных с Наполеоном [Листов, 2014], по нашему мнению, слишком далеко уводит от внутренней структуры произведения и его смысла. Причем внешние уподобления без структурных соответствий делают такие параллели недостаточно убедительными.

Но хотя карточный сюжет вновь пресекался, остался сам принцип наследуемости чего-то неестественного. Заключительные сведения о том, что «у Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница» (с. 252), явно намекают на повторение отношений «богатая родственница и ее бедная воспитанница», которые имелись между графиней и Лизой.

Согласно сделанным в нашей работе наблюдениям и выводам, силы, стоящие за ТК, не имеют однозначного характера. Они могут быть источником блага для людей, но и иметь дьявольский характер. В этом смысле характерная для ПД двузначность, воспроизводящая сам принцип игры в фараона и воплощающаяся в структуре текста и ее жанровых особенностях [Шмид, 1998], проявляет себя и в характере надчеловеческих сил, с которыми взаимодействует человек. Соответственно, игра против вероятностных Неизвестных Факторов [Лотман, 1975], характерная для обычного игрока, в случае Германа превратилась в игру против дьявольской силы – вполне определенной, играющей по детерминистским (но непонятным герою) законам. И он ее проиграл.

Наше исследование, помимо аспектов, относящихся непосредственно к «Пиковой даме», затрагивает и некоторые общие вопросы нарратологии Пушкина. Один из них связан с ролью договора как двигателя сюжета. Ранее нам уже приходилось отмечать, что этот элемент повествования играет существенную роль в сюжете целого ряда болдинских произведений [Заславский, 2018]. Вопрос о месте договора в повествовательной системе Пушкина требует дальнейшего изучения. Другой вопрос касается роли скрытого сюжета в поэтике Пушкина. Он обнаруживается во многих его произведениях, причем разных жанров. Это обстоятельство также требует дальнейшего изучения и теоретического осмысления.

Список литературы

- Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: ГИХЛ, 1941.
- Виралайнен М. Н.* Ирония в «Пиковой даме» // Проблемы пушкиноведения. Л., 1978. С. 169–175.
- Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. М., 1919.
- Гольштейн В.* Секреты «Пиковой дамы» // Записки русской академической группы в США. 1999–2000. Т. 30. С. 97–123.
- Давыдов С.* Туз в «Пиковой даме» // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 110–128.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 30, кн. 1.
- Заславский О. Б.* «Сцены из рыцарских времен»: обрыв сюжета как признак завершенности текста // Toronto Slavic Quarterly. 2010. No. 32. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_zaslavskii_stseny_iz_rytsarskikh.pdf
- Заславский О. Б.* О сюжетных инвариантах болдинских произведений А. С. Пушкина // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 2. С. 83–99.
- Заславский О. Б.* Сказка о золотом петушке А. С. Пушкина: сюжет о добывании беды // Russian Literature. 2007. No. 62/2. P. 241–254.
- Листов В. С.* Мотив притязания на наследство в пушкинской повести «Пиковая дама» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2014. № 2 (2). С. 47–52.
- Лотман Ю. М.* Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Т. 7.
- Пеньковский А. Б.* Нина (культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении). М., 2003.
- Пушкин А. С.* Пиковая дама // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8, кн. 1: Романы и повести. Путешествия.

Рецентер В. Э. Я жду его (скрытый сюжет «Скупого рыцаря») // Принц Пушкин. СПб., 2016.

Шмид В. «Пиковая дама» как метатекстуальная новелла // Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. С. 103–168.

Burgin D. L. The Mystery of “Pikovaja dama”: A New Interpretation // Mnevozina. Festschrift V. Setchkarev. Eds. J. T. Baer, N. W. Ingham. München, 1974. S. 46–56.

Rosen N. The Magic Cards in the Queen of Spades // The Slavic and East European Journal. 1975. Vol. 19. No. 3. P. 255–275.

O. B. Zaslavsky

Kharkov V. N. Karazin National University

Self-Supporting Card Plot in «The Queen of Spades»

The success of a card secret arises not only due to the knowledge of the cards themselves but also due to an implied treaty between a bearer and receiver of a gift. We reconstruct the conditions of this treaty T1 that describe the transmission of this secret from Saint-Germain to the countess and from her to Chaplitsky. As a result, a receiver of such a gift becomes its potential bearer. Further, not only the knowledge of concrete cards and the conditions of the treaty are transmitted along the chain but also the ability itself to such a transmission (the property of hereditability).

Only one condition of treaty T1 is explicated in the text – this is the prohibition of further gambling. The other conditions are recovered according to the logic of the plot. In doing so, we find a so-called «hidden plot» that enables us to explain the Chaplitsky’s story and relate it to the motif of receiving a heritage. At the same time, this finding explains why the countess opened her mystery just to Chaplitsky (but not to other young people). This is because both of them found themselves in the situation when a rich relative had a possibility to cover a card debt but denied to do it. The presence of the mechanism in which the card secret is transmitted from one generation to another, makes a card plot self-supporting.

When the countess’s ghost opens the secret to Germann, the initial conditions change, so instead of treaty T1 that was in force in the previous cases, now a new treat T2 becomes relevant. We analyze the difference between T1 and T2 and how the violation of T2 leads Germann to the failure. Marriage between Germann and Lizaveta Ivanovna, necessity of which was claimed by the ghost, is important not only for the countess’s ghost itself but also for fantastic forces that sent the ghost to Germann. In case of the marriage, Germann could transmit the card secret to his children and thus continue the card plot.

We also suggest an interpretation of a new condition in T2 which was absent from T1 – to stake no more than 1 card per day. This gave possibility for Germann to fulfill the condition about marriage before the end of game. As he ignored this condition (not given explicitly but tacitly assumed), fantastic forces, correspondingly, also ignore theirs. They intruded in the game giving rise to his failure. Replacing the image of a young queen with that of an old woman corresponds to previous actions of Germann himself who preferred to seek for a card secret instead of love of the countess's pupil and did not change this state of affairs.

Our reasonings generalize essentially a recent key observation made by V. S. Listov about the motif of inheritance in this Pushkin work.

Keywords: treaty, inheritance, fantastic forces, plot.

References

Burgin D. L. The Mystery of «Pikovaja dama»: A New Interpretation. In: Mnevozina. Festschrift V. Setchkarev. Eds. J. T. Baer, N. W. Ingham. München, 1974, p. 46–56.

Davydov C. Tuz v «Pikovej dame» [Ace in «The Queen of Spades»]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1999, no. 37, p. 110–128. (in Russ.)

Заславский О. Б. Самоподдерживающийся карточный сюжет в «Пиковой даме»

- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* [Complete collection of works]. In 30 vols. Leningrad, 1988, vol. 30, book 1. (in Russ.)
- Gershenzon M. O. *Mudrost' Pushkina* [Wisdom of Pushkin]. Moscow, 1919. (in Russ.)
- Golshtein V. *Sekrety «Pikovej damy»* [Secrets of «The Queen of Spades»]. In: *Zapiski russkoj akademicheskoj grupy v SShA* [Transactions of Russian academic group in USA], 1999–2000, vol. 30. (in Russ.)
- Listov V. S. *Motiv prityazaniya na nasledstvo v pushkinskoj povesti «Pikovaya dama»*. *Bulletin of Nizhny Novgorod N. I. Lobachevsky University*, 2014, no. 2 (2), p. 47–52. (in Russ.)
- Lotman Yu. M. *Tema kart i kartochnoj igry v russkoj literature nachala XIX veka*. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Sign systems Studies]. Tartu, 1975, vol. 7. (in Russ.)
- Penkovsky A. B. *Nina (Kul'turnyj mif zolotogo veka russkoj literatury v lingvisticheskom osveshchenii)* [Nina. Cultural myth of Golden age of Russian Literature in linguistic treatment]. Moscow, 2003. (in Russ.)
- Pushkin A. S. *Pikovaya dama*. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. In 16 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1948, vol. 8, book 1. (in Russ.)
- Retsepter V. E. *Ya zhdu ego (Skrytyj sjuzhet «Skupogo rycarja») [«I am waiting for him». Hidden plot of «Covetous Knight»]*. In: *Prints Pushkin* [Prince Pushkin]. St. Petersburg, 2016. (in Russ.)
- Rosen N. *The Magic Cards in the Queen of Spades*. *The Slavic and East European Journal*, 1975, vol. 19, no. 3, p. 255–275.
- Shmid V. *«Pikovaya dama» kak metatekstual'naya novella [«The Queen of Spades»] as a metatextual short story*. In: *Shmid V. Proza kak poeziya* [Prose as poetry]. Pushkin. Dostoevsky. Chehov. Avangard. St. Petersburg, 1998, p. 103–168. (in Russ.)
- Violajnen M. N. *Ironiya v «Pikovej dame»* [Irony in «The Queen of Spades»]. In: *Problemy pushkinovedeniya*. Leningrad, 1978, p. 169–175. (in Russ.)
- Zaslavsky O. B. *«Stseny iz rytsarskikh vremen»: Obryv syuzheta kak priznak zavershennosti teksta* [Scenes from Times of Chivalery: Break of plot as indication of completeness of text]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2010, no. 32. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_zaslavskii_stseny_iz_rytsarskikh.pdf (in Russ.)
- Zaslavsky O. B. *O syuzhetnykh invariantakh boldinskikh proizvedenij A. S. Pushkina* [On plot invariants of Boldino's works by A. S. Pushkin]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2018, no. 2, p. 83–99. (in Russ.)
- Zaslavsky O. B. *Skazka o zolotom petushke A. S. Pushkina: syuzhet o dobyvanii bedy* [The tale of the Gold cockerel' by A. S. Pushkin: a plot about obtaining disaster]. *Russian Literature*, 2007, no. 62/2, p. 241–254. (in Russ.)

Oleg B. Zaslavsky – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher; leading researcher at Kharkov V. N. Karazin National University (Kharkov, Ukraine, zaslav@ukr.net)